

ЄВРОПЕЙСЬКІ ВІЗІЇ ТА РОЗРІЗНЕННЯ: ПОРІВНЯЛЬНІ ДОСЛІДЖЕННЯ В УДОСКОНАЛЕННІ ВИКЛАДАННЯ СОЦІОЛОГІЇ: МАТЕРІАЛИ ПРОЕКТУ RESET¹

О.Д. Куценко, д-р социолог. наук, проф.

К ИССЛЕДОВАНИЮ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Пропонується обґрунтування наукового завдання дослідження закономірностей соціетальних трансформацій у постсоціалістичних країнах східної Європи. Систематизується досвід концептуалізації механізмів і результатів трансформаційного процесу, уточнюється поняття соціетальної трансформації і сутнісні характеристики трансформаційної динаміки суспільства. На основі аналізу сучасних досягнень у дослідженні процесу робиться спроба виділити і сформулювати положення щодо регулярностей постсоціалістичних трансформацій.

Ключові слова: постсоціалістичні трансформації, регулярності постсоціалістичного процесу, процесуальність, фазовий розвиток.

Предлагается обоснование научной задачи исследования закономерностей социетальных трансформаций в постсоциалистических странах восточной Европы. Систематизируется опыт концептуализации механизмов и результатов трансформационного процесса, уточняется понятие социетальной трансформации и сущностные характеристики трансформационной динамики общества. На основе анализа современных достижений в исследовании процесса предпринимается попытка выделить и сформулировать положения о регулярностях постсоциалистических трансформаций.

Ключевые слова: постсоциалистические трансформации, регулярности трансформационного процесса, процессуальность, фазовое развитие

The grounds of a scientific study of investigation of regularities in societal transformations in post-Socialism Eastern Europe is submitted. It is systematized the experience of conceptualizing the mechanisms and outcomes of transformation process; the concept of societal transformation as well as the core features of societal transformation dynamics are developed. The theses about regularities of post-Socialist transformation are asserted on the basis of analysis of the newest outcomes in investigations of this process.

Key words: post-Socialist transformations, transformation process regularities, processuality, phase development.

В конце 1980-х годов, в разгар советской перестройки известный российский социолог Юрий Левада обратил внимание на уникальную в историческом смысле возможность открытия фундаментальных закономерностей социальной динамики, которые становятся зримыми в условиях быстрых социальных изменений и возникающих титанических разломов социальных структур [Левада, 1990: с.8-9].

С этого времени постсоциалистические общества восточной и центральной Европы, бывшего СССР по образному выражению Питера Гована фактически становятся **лабораторией** для социальных ученых и политиков [Gowan, 1995]. Однако если политики использовали общества как лабораторию для проведения своих социальных и политических экспериментов, как сцену для собственных игр, то для социальных ученых системные трансформации обществ, развивающихся после краха государственного социализма, становятся ценностью по сути, своеобразной *исследовательской лабораторией*, в которой разрабатываются новые концепты и проверяются действующие теории.

Исследуя трансформирующиеся общества, очень неустойчивые и изменчивые, мы получаем шанс обнаружить и изучить феномены и процессы, которые обычно скрыты привычными институтами и социальной структурой, ценностями и массовой поддержкой.

Поэтому поиск ответов на вопрос о *закономерностях трансформационной динамики нами рассматривается как важная задача исследовательской программы по социологии*, решение которой может внести существенный вклад в развитие фундаментального социологического знания о такой "большой загадке", как общество в его становлении и развитии. В данной статье мы предложим не столько обоснование закономерностей постсоциалистических трансформаций в странах восточной Европы (решение такой задачи требует не только огромных уси-

лий, но и позиции "наблюдателя", позволяющей увидеть процесс в завершеном состоянии), сколько постановку задачи о наличии таких закономерностей.

Сегодня "исследовательская лаборатория" постсоциалистических обществ включает большое разнообразие национальных примеров, содержащих подобный и различный опыт постсоциалистического развития, путей и результатов системных трансформаций. Результаты трансформаций в международной исследовательской практике измеряются различными индексами, разработанными исследовательскими структурами Мирового банка, Европейского банка реконструкции и развития, ООН, Фонда "Дома Свободы", а также в рамках отдельных исследовательских проектов. С конца 1990-х годов популярным в сравнительном анализе успехов трансформаций в странах мира (около 130 наблюдаемых стран) стал индекс трансформации, разработанный Фондом Бертельсмана (Bertelsmann Stiftung) и Мюнхенским центром прикладных политических исследований (CAP). Индекс трансформации Бертельсмана (BTI – [The Bertelsmann Transformation Index]) строится на основе данных качественных экспертных оценок в странах и измеряет как состояние базовых институтов общества с точки зрения их движения к либеральной демократии и рыночной экономике, так и качество политического управления в переходных обществах. Соответственно, индекс включает два суб-индекса: 1) "индекс состояния" оценивает (а) политическую трансформацию (критерии роли государства, политического участия, закона, стабильности демократических институтов, политико-социальной интеграции) и ее результаты (тренды трансформации), (б) экономическую трансформацию (критерии уровня социоэкономического развития, организации рынка и конкуренции, стабильности валютного курса и цен, частной собственности, социальной политики, экономических результатов и устойчивости) и ее результаты (тренды экономической трансформации); 2) "индекс управления" оценивает состояние политического управления (способность исполнять решения, ресурсная эффективность, достижение консенсуса, международная кооперация), его результаты (тренды) и

¹ В цьому розділі представлені матеріали лекцій, прочитаних на весняній сесії-І проекту EVD-OSI / ReSET у квітні 2010 р. (м.Київ), яка відбулась за фінансовою підтримкою Інституту Відкритого суспільства (OSI – Цуг, Будапешт).

масштабы трудностей в управлении. Такое комплексное оценивание позволяет зафиксировать глубину и качество институциональных преобразований и провести их сравнение между странами разного типа. В таблице 1 мы представили значения и ранги двух суб-индексов индекса трансформации Бертельсмана, опубликованные в начале 2010 года и которые дают наглядную картину принципиального разделения блока постсоциалистических стран по показателям успешности институциональных трансформаций на группы восточно-центрально-южно-европейских и постсоветских стран. Анализ динамики значений индекса за годы его измерения и в сравнительной между странами перспективе показывает следующее. Группа стран восточно-центральной Европы устойчиво демонстрирует более высокие значения суб-индексов не только по сравнению

с постсоветскими, но и балканскими странами. К 2010 году разрыв значений экономических индикаторов индекса в данных странах несколько снизился, по видимому, за счет влияния глобального финансово-экономического кризиса, который более сильно поразил более успешные страны (как Венгрия и Латвия). Однако в политическом измерении различия между странами остаются заметными. Так, если в такой восточно-центральной европейской стране, как Польша, происходило некоторое улучшение качества политических институтов, то в ряде стран юго-восточной Европы стандарты демократии к концу первого десятилетия 2000-х стали более проблематичными. Особенно заметными являются региональные различия в отношении разделения властей, свободы самовыражения и независимости судей.

Таблица 1. Значения и ранги Индекса трансформации Бертельсмана (BTI), февраль 2010 г.

	Ранг индекса состояния	Индекс состояния (10 max, 1 min)	Ранг индекса управления	Индекс управления (10 max, 1 min)
Чехия	1	9,65	9	6,95
Словения	2	9,52	18	6,55
Эстония	4	9,34	3	7,33
Словакия	6	9,14	8	7,03
Литва	7	9,04	10	6,91
Венгрия	8	9,00	20	6,51
Польша	10	8,86	19	6,52
Латвия	13	8,51	13	6,68
Болгария	14	8,36	14	6,67
Хорватия	15	8,30	16	6,61
Румыния	16	8,23	25	6,27
Македония	21	7,53	21	6,46
Сербия	24	7,39	35	5,95
Украина	37	6,55	66	4,92
Босния и Герцеговина	39	6,43	79	4,49
Грузия	52	6,03	42	5,68
Молдова	61	5,79	79	4,49
Армения	62	5,75	85	4,36
Россия	65	5,70	107	3,41
Казахстан	76	5,24	72	4,70
Киргизстан	83	4,97	91	4,17
Азербайджан	86	4,85	95	4,05
Беларусь	96	4,52	110	3,26
Узбекистан	120	3,25	124	2,10

Источник: <http://www.bertelsmann-transformation-index.de/>

Иные тенденции проявляют постсоветские страны, начальные институциональные условия трансформации которых были очень похожими: слабое государство, слабая социальная солидарность в обществах, слабый приток прямых иностранных инвестиций, отсутствие экспортно-ориентированных ресурсов (за исключением России), слабая конкуренция при доминировании региональных функционирующих элит. К середине первого десятилетия 2000-х годов в ряде постсоветских стран открылись шансы для качественного изменения трансформационного пути под влиянием массовой мобилизации и артикуляции рыночно- и демократически-ориентированных интересов, однако потенциал "цветных революций" оказался здесь быстро исчерпанным, и в большинстве стран этого региона (кроме Грузии) к 2010 году показатели институционального качества в среднем вернулись на уровень 2006 года. Также значимой стала возвратная тенденция консолидации автократий: кроме России, Беларуси, Азербайджана и Казахстана данные тенденции проявились также в Киргизстане и Армении; Украина также к концу 2010 года (по данным фонда "Дом Свободы") ухудшила свои показатели демократии. Почти все страны этого региона демонстрируют неудовлетворительный политический менеджмент (кроме Грузии в последние годы), в котором наиболее слабыми звеньями все также остаются антикоррупционная политика и интеграция гражданского общества. На фоне постсоветских стран только Украина выглядит несколько более успешной по

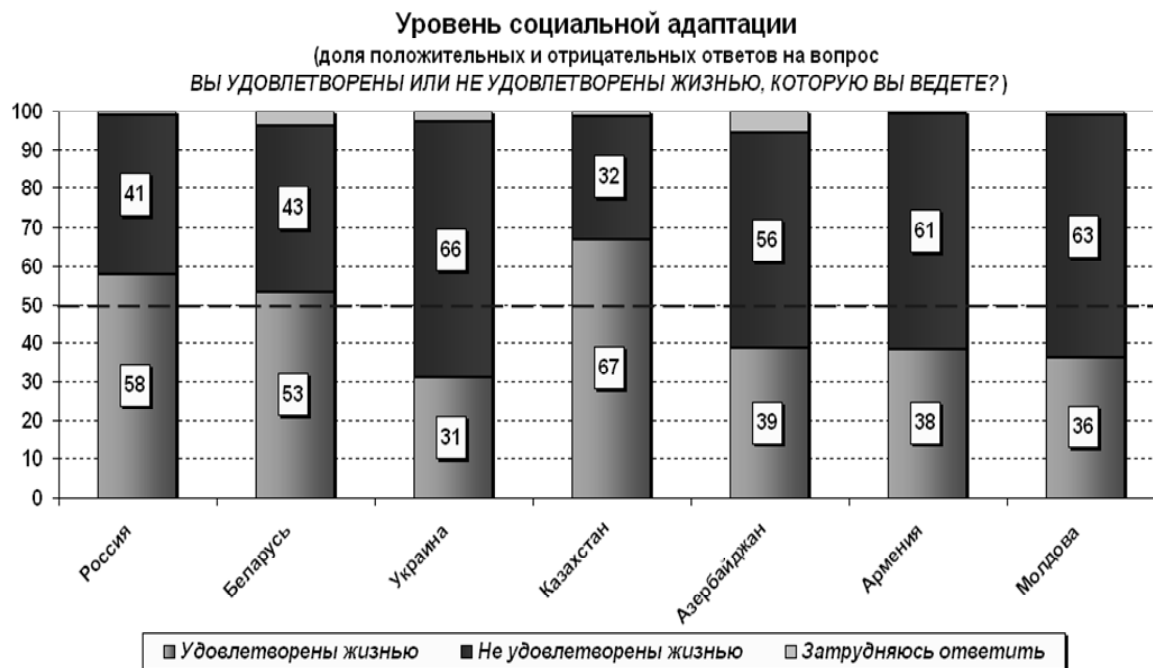
качеству базовых институтов по показателям индекса Бертельсмана, а Грузия в конце 2000-х демонстрирует существенную позитивную динамику показателей.

Вместе с тем, по уровню социальной адаптации и социального оптимизма/пессимизма украинское общество выглядит хуже всех исследуемых стран согласно данным 12-й волны Мониторинга социальных настроений населения стран постсоветского пространства, проведенного в конце 2009 года агентством "Евразийский монитор" в семи постсоветских странах (руководитель проекта И. Задорин) (рис.1-2).

Почему общества, которые имели похожие стартовые условия в начале трансформации (к концу 1980-х годов), демонстрируют заметные различия в результатах такого движения? Как объяснить эти расхождения? Есть ли общие закономерности в этом процессе? Или каждая страна проходит свой особенный путь трансформации? Как можно объяснить парадоксы, QWERTY-эффекты², вырывающиеся из "ящика Пандоры"³ в процессе трансформационного движения? В конце концов, насколько глубоко общества могут быть трансформированы?

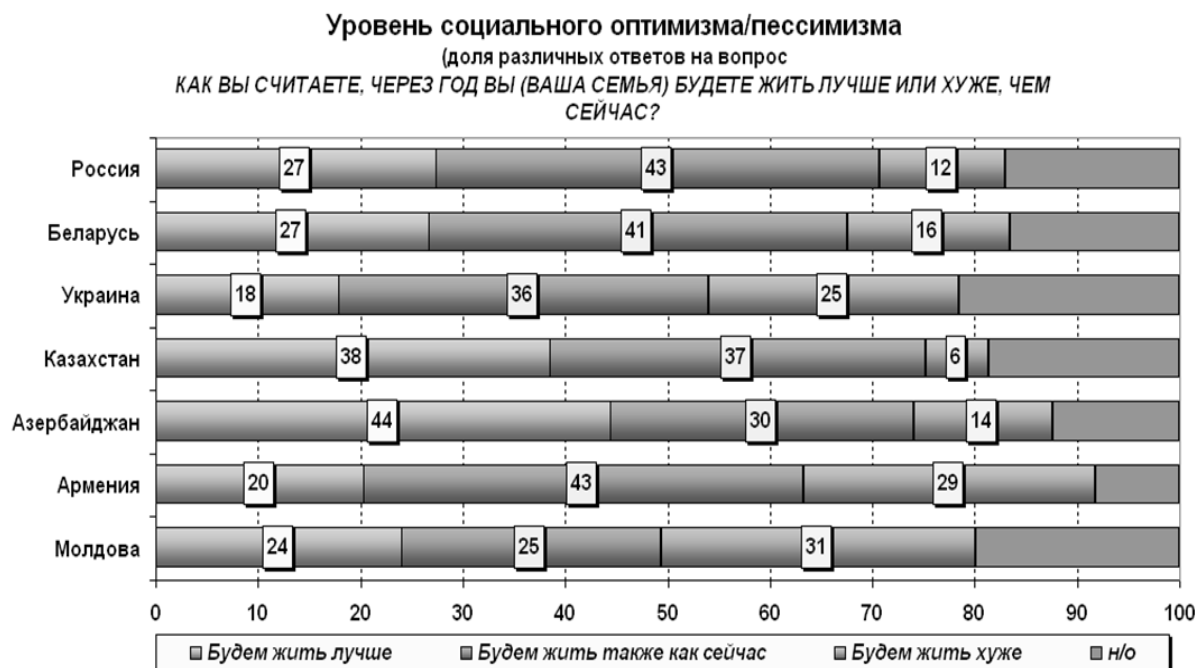
² Подразумеваются все виды сравнительно неэффективных, но устойчиво сохраняющихся в процессе трансформации стандартов, которые демонстрируют, что "история имеет значение".

³ Образ "ящика Пандоры" использует Клаус Оффе в формулировании и попытках теоретического объяснения дилеммы постсоциалистических трансформаций – [Оффе, 2003: с.10].

© НП "Евразийский монитор". Ноябрь-декабрь 2009

Рис. 1. Мониторинг социальных настроений населения стран постсоветского пространства, 2009. – www.eurasiamonitor.org

© НП "Евразийский монитор". Ноябрь-декабрь 2009

Рис. 2. Мониторинг социальных настроений населения стран постсоветского пространства, 2009. – www.eurasiamonitor.org

В специальной литературе предлагаются многочисленные типологии, способы классификации, объяснения и проверки данного разнообразия с использованием критериев развитости рыночных отношений, демократической консолидации, эффективности институтов, уровня и качества человеческого развития и благосостояния обществ, степени социального сплочения, направленности геополитических ориентаций и прочее. С методологической точки зрения сравнение различных примеров постсоциалистического развития и их типология не предполагают конструирование универсаль-

ной парадигмы системных трансформаций. Более того, современная история демонстрирует немало примеров, свидетельствующих о невозможности такой парадигмы⁴. Однако, что возможно и что должно стать на-

⁴ Так, в частности, восточно-европейские трансформации по многим ключевым параметрам выглядят иначе, по сравнению с трансформациями стран Южной Азии или Латинской Америки. Тезис о невозможности усиливается представлением о роли аномальных, непредсказуемых событий, способных менять ход истории и только post factum вписываемых исследователями.

учной задачей, так это – сравнительное исследование регулярностей (закономерностей), условий их проявления, их спецификация на различных фазах процесса трансформации обществ, изучение фазовых переходов в постсоциалистическом развитии как таковом. Можно предположить, что такие регулярности могут быть типичными для определенного кластера трансформирующихся постсоциалистических обществ и даже, возможно, содержать некоторые универсальные черты для всех таких обществ конкретного исторического периода времени. Эвристический потенциал такого сравнительного исследования заключается в обнаружении общих черт и различий в конкретных условиях системных трансформаций. При этом мы должны помнить, что регулярности не являются правилом для каждого отдельного национально и культурно определенного примера трансформации. Экономическая и политическая конъюнктура, случайные обстоятельства (как например, межэтнический конфликт, финансово-экономический кризис, массовая паника, харизматическое лидерство и прочее), непредсказуемые индивидуальные выборы могут повлиять и даже нарушить течение регулярностей.

Размышления по поводу регулярностей трансформационных изменений, их изучение было и остается в фокусе особого внимания ученых, начиная с древних времен и по наши дни. Современные подходы к решению данной задачи в применении к постсоциалистическим трансформациям предполагают, прежде всего, ответ о сути процесса трансформации, который может основываться на одной из фундаментальных философских моделях социальных изменений:

1) в рамках даоистской и гераклитовской моделей развивается понимание системных трансформаций как "постоянного течения" общества: неизбежного, естественного процесса производства новых форм социальной жизни, протекающего в любом обществе и ведущего к гармонизации компонентов общественной системы, включая социальные отношения. Данная модель особое внимание уделяет самоорганизационным механизмам общественного развития. И с этой точки зрения, любое преднамеренное вмешательство социальных акторов (политиков, социальных групп, организаций), пытающихся взять под контроль процесс изменений, является лишенным смысла либо обречено на провал. Однако древняя и современная история знают немало примеров как относительной стабильности, "законсервированности" общественных форм жизни в истории, так и успешного вмешательства в процесс общественных трансформаций через реформы, которое нашло выражение в более-менее завершенных системных трансформациях обществ, достигших ожидаемых параметров по ключевым признакам. Такими примерами *contra* могут быть трансформация и образование современной государственности в Италии 19-го века, послевоенной Японии 20-го века, современной Бразилии, Чешской Республики, Словении и др.;

2) в рамках гегелевской диалектической модели системные трансформации могут быть поняты как результат взаимодействия противоборствующих, конкурирующих социальных сил и тенденций в системной динамике. Данная модель предполагает идею о том, что конфликт должен найти разрешение в обновленном системном синтезе, отрицающем старое качество системы, но при этом сохраняющем ее "работающие" па-

раметры, встраивающиеся в новые качественные характеристики и, при этом, возможно изменяющие их. Фундаментальные исследовательские вопросы, вытекающие из данной модели, – это вопросы о конкурирующих / противоборствующих социальных силах (кто является агентами системных трансформаций?), о мере изменчивости общественной системы в процессах трансформации, о социальных и культурных основаниях для обновленного системного синтеза. В конце концов, насколько неизбежным является новый синтез в трансформационной динамике общественной системы? И вновь древняя и современная история предлагают немало примеров глубоких общественных конфликтов, которые в течение долгого времени не получали разрешения в обновленной модели социальных отношений, способствовали формированию тупиковой "ветви" в общественной динамике, а значит, ставили под сомнение идею неизбежного синтеза;

3) интересной в объяснении трансформаций представляется также модель социальных изменений, развитая Т.Куном в применении к "научным революциям". Одна из фундаментальных идей данной модели гласит о том, что люди не стремятся отбрасывать утратившие эффективность парадигмы до тех пор, пока не появятся лучшие парадигмы. Это – очень важный тезис, позволяющий искать ответы на многие вызовы современных социальных трансформаций, в частности, связанные с феноменами симбиотических общественных форм – таких, как двойная институционализация (сосуществование рыночных и административных экономических правил, "фасадной" демократии и автократических по характеру социально-политических отношений), феноменами низкого уровня массового протеста в условиях глубокой социально-экономической поляризации и кризиса (как, например, в современной России или в Украине начала 2000-х годов – хотя последние примеры становятся очень условными на фоне массовых акций протеста, бунта против системы, охвативших ряд стран североафриканского и южно-европейского регионов).

В рамках этих фундаментальных моделей в современной социологии получили развитие различные концептуальные подходы, направленные на объяснение постсоциалистических трансформаций. Многие из них подчеркивают определяющее значение для характера и направленности трансформаций внутрисистемных факторов, таких как качество элит и принимаемых ими решений, качество общественных институтов. Так, в частности, теории посткоммунистической трансформации как транзита, модернизации⁵, представленные в работах А. Пшеворского [Пшеворский, 2006], Л. Бальцеровича [Бальцерович, 1999], В. Цаффа [Цафф, 1998] и др., опираются на веру в определенность целей преобразований (демократия, экономический рост, социальная защита) и закономерную логику трансформации как управляемого элитами перехода от "плана" к "рынку", от авторитаризма к демократии. Такая логика предполагает *"start-stop-start"* (термин А.Пшеворского) цикл реформ и социальных реакций на них: утверждение рыночных институтов возможно благодаря политическим решениям, принимаемым элитами, что в свою очередь стимулирует введение институтов демократии посредством выборов, результатом институциональных сдвигов становятся экономический рост и преодо-

дователями в объяснительные парадигмы. Именно на роль таких аномальных событий, приводящих, по сути, к трансформациям обращает внимание Нассим Николас Талеб в книге "Черный лебедь" – [Талеб, 2010].

⁵ Преимущественно базируются на концептуальных положениях социальной системы и современного общества Т.Парсонса, теории модернизации С.Хантингтона и получили, прежде всего, развитие на обобщении эмпирического материала трансформации авторитарных режимов в Испании, Португалии и странах Латинской Америки 1970-х годов.

ление бедности, стимулирующие укоренение демократии и системную консолидацию. Некоторые эмпирические данные подтверждают данную логику⁶, однако такая логика не стала "правилом" или закономерностью для большинства постсоциалистических стран.

Реальный процесс трансформации оказался куда более сложным, чем это предполагалось либеральными теориями модернизации и соответствующими стратегиями реформ. Иные логики вмешиваются в данный процесс, корректируя направленность и результаты трансформации: логики зависимости общества от пройденного пути (*path dependency* – термин К.Поланьи) и инерции институтов; "ассоциированной" зависимости (*associated-dependency* – термин Ф.Кардозо) от пост-имперской, пост-колониальной "матрицы", центров мир-системы и империй [Кардозо и Фалетто, 2002; Полтерович 2004, 2006; Хардт и Негри, 2004]; давления структуры и констелляции групповых интересов [О'Доннэлл и Шмиттер, 1986; Лейн, 2006, 2006а: 174-213; Селеньи и др., 2008; Пшеворский, 2004], потенциала социальных акторов разного уровня взаимодействия и динамизма социально-групповой структуры [Заславская 2002]; "структурированных случайностей" (*structured contingency* – термин К.Шмиттера) как эффектов переплетения ситуативных условий и свободы действия акторов, ограничивающих рациональность выбора; наконец, логика запаздывающего втягивания общества в глобальные и макро-региональные тренды и структурного приспособления к ним через обновление рациональности социальных взаимодействий [Генов, 1999, 2009, 2010]. Данные "логики" нашли отражение в специальных теориях постсоциалистических трансформаций, обоснованных названными выше авторами. В теории "зависимого от прошлого пути" Д.Старк, Г.Грабэр, Л.Брюст обосновывают влияние воспроизводящихся социальных сетей, структурной и институциональной инерции ранее выбранного пути на результаты постсоциалистической трансформации: сети способны перекомбинировать ресурсы и правила доступа к ним, "встраивая" новые правила в привычные сети. "Игра" с правилами и сетями рождает непредсказуемые, в том числе симбиотические социальные формы (Головаха и Панина, 2001, 2006: с. 41-46; Куценко, 2000, 2006). Козволюция постсоветского государства, новых институциональных форм и социальных сетей приводит к формированию гибридных форм социальных отношений, сильно зависящих от ценностей, привычек, прошлого опыта решения проблем в политической, деловой, повседневной жизни. Такие гибриды с неизбежностью начинают испытывать давление со стороны конкурирующих (внешних и внутренних для общества) сил (акторов, вызовов со стороны объективных тенденций развития), формируют уникальные черты постсоциалистических обществ и усиливают расхождение в путях их развития. Т.И.Заславская и В.А.Ядов вводят понятие "национального стиля трансформационного процесса" [Заславская и Ядов, 2009; Ядов 2010], подчеркивая, на примере России, зависимость вектора социетальной трансформации от особенности национального "прочтения" и встраивания в общество ("режимов и грамматик"⁷) навязываемых миросистемой правил. Такая особенность определяется национальными институтами,

⁶ В частности, стабильная корреляция между ВВП на душу населения и "минимальной" ("электоральной") демократией, которую демонстрируют все страны [Vanhanen, 2003; Inglehart & Welzel, 2005, Пшеворский, 2006].

⁷ Здесь авторы опираются на теорию "систем правил" Т. Бернса и Е. Флэм

культурой, ментальностью и человеческим потенциалом на всех уровнях социальных взаимодействий и, как результат, формирует специфический характер практик групп населения, властных структур и элит общества.

Данные теоретические разработки не остаются в стороне от пост-постклассического поворота в методологии социальных наук и обращают внимание на вариативность социальных изменений, которые находят под влиянием как кросс-культурного, культурно-структурного наследия конкретного общества, так и человеческих действий, их воображения и возможностей, продуцируемой ими социальной практики; под влиянием как закономерностей таких взаимодействий, так и вынужденных и случайных обстоятельств.

Принимая во внимание этот методологический поворот и результаты исследований "постсоциалистической лаборатории", *понятием социальной трансформации*⁸ мы описываем процесс связанных, относительно быстрых, прерывистых или непрерывных изменений системных свойств общества как реакцию на угрозу истощения ресурсов прошлой формы его развития и накопление новых конкурентных социальных интересов и ресурсов, определяющих возможность "иного" пути. Данный процесс по своей сути является самоорганизационным, в который "вмешиваются", по словам П.Штомпки, политические решения. Процесс системной трансформации означает изменение качественных характеристик базовых общественных институтов (политики и правового регулирования, экономики и культуры) и их укоренение в социальной структуре и системе ценностей общества, что влечет за собой изменение практик в основных сферах социальных взаимодействий. Достижение базовыми общественными институтами состояния более или менее устойчивого воспроизводства (развития) их качественных характеристик, отличных от доминировавших в предтрансформационный период, в сочетании с массовой поддержкой и включением в социальные практики⁹, одобряемые и регулируемые обновленными институтами, – можно считать *критерием завершенности* системной трансформации общества.

Применение синергетического, структурно-деятельностного подхода к изучению трансформационного развития общества [Куценко, 2004] позволяет сформулировать несколько теоретических положений, дающих понимание наиболее общих регулярностей в постсоциалистических трансформациях как разновидности изменений социальной системы.

1. Первое положение связано с признанием *процессуальности* как фундаментального свойства социальной трансформации. Это свойство есть результатом того, что трансформации развиваются в постоянном процессе коммуникации, который носит фазовый характер (смысловые и технологические циклы коммуникаций) и происходит между различными компонентами общественной системы в единстве их воспроизводства и изменения. Как показывал Н.Луман в теории социальной системы, интенсивная коммуникация способна приводить к самопроизводству системы. Между тем, чем более интенсивны коммуникации между обществами и их компонентами, тем более глубокие измене-

⁸ Определение понятия обосновано автором в работе [Куценко, 2004: 17-26].

⁹ Массовая поддержка институционально одобряемых социальных практик на глубинном уровне может быть измерена представленностью в обществе социальных акторов (численность, консистентность, престиж, социальное влияние), включенных в соответствующие практики, их стратегиями, ресурсами и ценностями.

ния в них могут происходить. Изменения происходят тогда, когда люди переопределяют ситуацию взаимодействия и начинают действовать в соответствии с обновленными значениями. Следовательно, для понимания трансформации, ее движущих сил, результатов и направленности недостаточно уделять внимание только институциональным формам (как, например, наличие свободных и конкурентных выборов, развитого рынка и др.) – что широко представлено в международных сравнительных исследованиях трансформирующихся обществ, а также используемых различных индексах институционального развития. Для более глубокого понимания социальной трансформации необходимо исследовать те значения, которые приписываются людьми разным ситуациям социальных взаимодействий и изменяются или воспроизводятся в процессах коммуникаций с разными компонентами социальной системы.

Кроме того, процессуальность как свойство трансформации означает необходимость ее изучения как *фазового развития*, в котором каждая фаза может демонстрировать специфические свойства¹⁰. При этом фазы трансформации не являются ее стадиями в последовательном прогрессивном развертывании процесса. Каждая фаза способна формировать собственную логику и необязательно переходить в последующую фазу; реверсивное движение также возможно¹¹.

2. Второе положение – об *относительно независимой логике в динамике* отдельных системных компонентов и обществ в целом. Трансформирующиеся общества в своем состоянии являются преимущественно внутренне рассогласованными: subsystemы общества, как относительно автономные целостности, способны развивать собственную логику, соответственно реагировать на новые вызовы особым способом. Subsystemы образования, науки, корпоративной экономики, рынков недвижимости, индустрии досуга и т.п. способны формировать собственную логику развития, которая, вместе с тем, ведет к системной декомпозиции и неустойчивости, рано или поздно требует "избирательного сродства" (в терминологии М.Вебера), разноуровневых согласований с другими subsystemами в целях обеспечения устойчивости и целостности общества как такого. Но до того как согласование станет актуализированным, автономная логика саморазвития может успеть сформировать довольно устойчивые, внешне слабо согласованные, но внутренне согласованные уникальные формы subsystem (институтов, практик). Данное положение подчеркивает высокую вероятность (значительную роль случайности) трансформационного процесса, которая – вопреки действию общих закономерностей – с необходимостью производит расхождение в направленности и результатах трансформации на разных фазах процесса. Такие расхождения в социальной динамике хорошо заметны на многих примерах постсоветских стран и стран восточной Европы, которые начинали этот путь в конце 1980-х годов в подобных условиях.

В целях поддержания собственной устойчивости общества не могут не озаботиться проблемой преодоления декомпозиции и возникших в этой связи барьеров развития, не могут не озаботиться поиском новых способов достижения согласия и координированного взаимодействия subsystem. Решение этой задачи становится

¹⁰ О фазовом характере трансформационного процесса см.: [O'Donnell, Schmitter, 1986; Куценко, 2004; Головаха и Панина, 2006] и др.

¹¹ К примеру, социально-экономическое оживление в России после кризиса конца 1990-х годов, завершившееся возвращением к традиционной автократии.

исключительно специфическим для конкретного общества, вместе с тем, его выработка также приобретает характер "избирательного сродства" и не может быть свободным от опыта решения подобных задач странами-референтами. Все это означает то, что *кластерная интерпретация* трансформирующихся обществ, предполагающая объяснение специфического через нахождение подобного в определенном классе социальных объектов (классов обществ или их подсистем) становится принципиально важной в методологии их изучения.

3. Третье положение – об *особой важности деятельностного потенциала*, или конструктивного потенциала социальных действий людей в процессе трансформации, который способен производить кооперативные эффекты системного характера, преодолевать системные ограничения и создавать новые формы социальных отношений и практик. В трансформирующемся обществе, в силу внутренней рассогласованности общественной системы, высокой подвижности и, часто, неопределенности ее качественных характеристик, определяющую роль играют не столько причинные отношения, сколько нелинейные процессы самоорганизации. В этом процессе принципиальную роль играют не столько причинно обусловленные цепочки действий, сколько возможности (шансы), формирующиеся, скорее, как результат ответной *ad hoc* реакции общества на внешние и внутренние вмешательства, потребность поддерживать конкурентноспособность в региональном / глобальном взаимодействии с другими обществами и культурами. Формирующиеся практики наследуют опыт прошлого, также наследуют ("импортируют", копируют) идеи и практики других культур (часто рождая их гибридные формы). Вместе с тем, *causa libera* в действии множественных коллективных и индивидуальных акторов, вовлеченных в определенные практики и структурные-культурные обстоятельства, способность акторов принимать решения о том, *что они хотят, что могут и каким образом могут сделать*, – корректирует направленность трансформации и определяет пределы возможных изменений конкретного общества¹². Самоорганизация приводит к спонтанным сдвигам общества от дезорганизации к упорядоченности, которая необязательно станет устойчивой.

4. Наконец, четвертое положение – о решающей роли ценностей (элит и массовых социальных групп) в трансформационном развитии, поддерживающих, направляющих или блокирующих сдвиги в социальных институтах и в сопряженных с ними практиках. Если ценности граждан ориентированы не в будущее, а в прошлое, не открыты изменениям и свободе (преодолению зависимостей), то вряд ли можно ожидать успешное завершение трансформации общества. Зависимость социальных изменений от ценностей, функционирующих в обществе, доказана масштабными исследованиями А.Сена, Р.Инглехарта и К.Вельзеля [Сен, 2004; Inglehart & Welzel, 2006] на эмпирическом материале разных стран современного мира.

Кроме того, в изучении постсоциалистических трансформаций, "уводящих" общества от системы государственного социализма и связанных (на начальной фазе трансформации во всех европейских постсоциалистических странах) с ожиданиями рыночных и демократических преобразований, ценностное измерение процесса должно включать принципиальные координаты, обозначающие предполагаемые "модернизацион-

¹² Не обсуждая природу "оранжевой революции" в Украине, можно утверждать, что "свободная причина" этого коллективного действия существенно повлияла на направленность дальнейшего трансформационного развития украинского общества.

ные" смещения институтов экономики, политики, культуры-права: 1) государственно-административная vs. рыночная экономика и способы социально-экономических взаимодействий (государственная / частная собственность, назначение / конкуренция, предписанная деятельность / предпринимательство и т.п.), 2) авторитаризм, иерархия, единоначалие vs. демократия, плюрализм, гражданское участие как способы организации публичных взаимодействий и власти, 3) право авторитета, статуса vs. право, прописанное в законе, право выбора, шансы – как ценностные ориентации в социальных взаимодействиях.

Вместе с тем, вводя такое ценностно-институциональное измерение, мы сталкиваемся *a priori* с проблемой неопределенности результата трансформационного процесса для конкретных обществ: если точка отсчета (начало трансформации) оказывается более-менее понятной, то достигаемый обществом результат является вероятностным и может быть неожиданным. Так, исследованиями Дж. Хэллвэла и Т.Ванханэна [Vanhanen, 2003] эмпирически доказано наличие связи между успехом экономической либерализации, демократического развития и культурной модернизации. Наряду с этим, как показывает опыт более чем 20-летних трансформаций стран в прошлом системы государственного социализма, успехи экономического развития и рыночных преобразований совсем необязательно оказываются сопряженными с успехами демократического развития. Россия первого десятилетия 2000-х годов, Казахстан, Беларусь стали яркими примерами относительной независимости рыночно-экономического развития от демократизации; более того, в России с усилением возвратного авторитаризма экономические успехи стали более ощутимыми. Теоретически такая несопряженность получила обоснование в работах А.Пшеворского, А.Сена, Р.Инглехарта и К.Вельзеля (см. список литературы). Также Р.Инглехарт и К.Вельзель [Inglehart & Welzel, 2006] эмпирически доказывают и теоретически обосновывают зависимость успеха демократизации от социальной структуры (гражданское общество, новые средние классы), "человеческого развития" (концепт этих же авторов) и расширения либертальных ценностей (свободы, самовыражения, гражданского достоинства). Учитывая сказанное, измерение трансформационных смещений должно быть гибким с точки зрения возможности "схватить" новые институционально-ценностные формы и механизмы их становления как слабо прогнозируемые результаты, по сути, бифуркационного развития общества.

Анализ массивного объема результатов эмпирических исследований трансформирующихся обществ и их теоретических обобщений позволяет выделить, по крайней мере, следующие специфические регулярности социетальных трансформаций:

1) несинхронный характер изменений в институциональной и культурной подсистемах общества (обнаружение которого разрушило неолиберальный миф "одновременного рыночного и демократического транзита" путем целенаправленных реформ, ведущих к ожидаемым результатам);

2) взаимосвязь демократических изменений, успехов экономической либерализации и культурной модернизации при относительной независимости экономических успехов от процесса демократизации и, в свою очередь, зависимость демократических успехов от социальной структуры и либертальных (гражданских) ценностей;

3) повышение вероятности стабильной демократии при выходе общества на более высокий уровень экономического развития, который расширяет индивидуальные ресурсы и возможности индивидуального выбора при условии, если такой экономический результат, как доказывают К.Вельзель и Р.Инглехарт, сочетается с усилением значения ценностей свободы и самовыражения, требующих институциональных, легальных гарантий безопасности индивидуального выбора¹³;

4) социетальным трансформациям присущи региональная и национальная специфика, обусловленная историко-культурным развитием конкретных обществ и кросс-культурными заимствованиями (концепт Д.Уистни);

5) характер развертывания и результаты социетальных трансформаций зависят от предтрансформационного состояния общественной системы, особенностей потери ею устойчивости, присущих обществу исторически сформировавшихся культурных традиций, устремления к свободе, что в совокупности должно обуславливать доминирование эндогенных факторов трансформационной динамики;

6) в процессе трансформации объективно неизбежной является "транзитная фаза", для которой характерна хаотизация взаимодействий в рамках общества: нестабильная "двойная" институционализация, маргинализированная социальная структура и состояние аномии;

7) характер трансформационных изменений зависит от консолидации национальных элит, их способности мобилизовать деятельность, структурный и культурный потенциалы массовых социальных акторов и элит на формирование и достижение целей преобразований;

8) процесс и результаты трансформации существенно зависят от влияния глобального капитализма, мировых и региональных центров господства, геополитических поддержек.

Обоснование (или опровержение) закономерной природы таких регулярностей и специфики их проявления в отдельных постсоциалистических странах (их типах) должно стать предметом специальных междисциплинарных сравнительных исследований, что позволит углубить знание механизмов и закономерностей общественного развития, а также усилить прогностические возможности социологической науки.

1. Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже веков. М.: Наука, 1999. 2. Бальцерович Л. Навстречу ограниченному Государству / Пер. с англ. – М.: Институт Катона – Новое издательство, 2007. – 92 с. 3. Генов Н. От "переходного периода" к "социальной трансформации": концепты и реали // Социология. Минск, 2009, № 4. 4. Головаха Е., Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до "оранжевой революции" // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 3. – С. 32-51. 5. Головаха Е.И., Панина Н.В. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2001. – № 4. – С. 5-22. 6. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. – С. 184-204. 7. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008, № 4. С.8-22. 8. Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. Институт Латинской Америки (ИЛА) РАН, 2002. 9. Куценко О.Д. Фазы и пути системных трансформаций // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание / под ред. О.Д.Куценко, С.С.Бабенко. – Харьков. 2004. С. 5-10, 11-26. 10. Куценко О. Расходящиеся общества: особенности системной трансформации в России и Украине // Мир

¹³ Вместе с тем, как замечают эти же авторы: "...точная природа отношений" между экономическим развитием, демократизацией и культурной модернизацией "все также остается загадочной, как и четверть века назад" [Inglehart & Welzel, 2006].

России. Том XV, № 3. Москва, 2006. С.43 – 61. 12. Лейн Д. Подъем и упадок государственного социализма: Индустриальное общество и социалистическое государство / пер.с англ. Под общ.ред. Куценко О.Д., Беляева И.А. Киев-Харьков: Узд-во Института социологии НАНУ, 2006(а). 13. Лейн Д. Элиты, классы и гражданское общество в период трансформации государственного социализма // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006, 3 3. – С. 14-31. 14. Меркель, Вольфганг (2006). Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т.1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы / Научн.ред. Владимир Гельман / Пер.с нем. – СПб.: М.; Берлин: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2003. С. 55-88. 15. Мониторинг социальных настроений населения стран постсоветского пространства / Агентство "Евразийский монитор", 2009 г. – www.eurasiamonitor.org 16. Мюллер К., Пикель А. Смена парадигм посткоммунистической трансформации // Социологические исследования, 2002, № 9, с. 67-82. 17. Оффе К. Дилемма одномерности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т.2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе / Научн.ред. Владимир Гельман / Пер.с нем. – СПб.: М.; Берлин: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2003. – С.6-22. 18. Поланы К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб. – 2002. 19. Полтерович В. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. 20. Полтерович В. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. Вып. 1. 21. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер с англ. / Под ред. проф. Бажанова В.А. – М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2006. – 320 с. 22. Селены И., Гил Эял, Элеанор Тоунсли / Пер.с англ. Киев: Институт социологии НАНУ, Харьковский нац.ун-т им.В.Н.Каразина, 2008. – 320 с. 23. Сен А. Развитие как свобода / Пер.с англ. – М.: Новое издательство, 2004. 24. Талейб Нассим Николас. Черный лебедь Под знаком

непредсказуемости / Пер.с англ. Под ред. М.Тюнькиной. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2010. 25. Тамаш П. О чем свидетельствует сравнительный анализ пост-коммунистических трансформаций // Социальные трансформации в России теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В.А.Ядова. – М., 2005. – С. 528-561. 26. Уайт С. Еще раз о посткоммунистической трансформации // Социологические исследования. – 2003. – №11. – С. 60-66. 27. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2004. 28. Цаф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования. – 1998. – № 8. – С. 14-26. 29. Цаф В., Хабих Р., Бульман Т., Делей Я. Германия: трансформация через объединение // Социологические исследования. – 2002. – №5. – С. 19-36. 30. Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России, 2010, № 3. – С.46-56. 31. Burns T., Flam H. The shaping of social organization. Beverly Hills: Sage, 1987. 32. Genov, N. Managing Transformations in Eastern Europe. – UNESCO-MOST, Paris; RGD, Sofia, 1999. 33. Genov, N. The Global Trends in Eastern Europe. – Berlin: Ashgate, 2010. 34. Gowan, P. Neo-liberal theory and practice for Eastern Europe. In: New Left review, 1995. 213: p.3-60. 35. Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader /Ed. by C. Black. – N.-Y. : Free Press, 1976. – P. 25–61. 36. Inglehart R. and Christian Welzel. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. – Cambridge University Press, 2006. 37. O'Donnell G., Schmitter P. C. Transition from Authoritarianism. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore ; London : Johns Hopkins University Press, 1986. – 96 с. 38. Stark O., Bruszt L. Postsocialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge Univer.Press, 1998. 39. The Bertelsmann Transformation Index (BTI) www.bertelsmann-stiftung.org/publications 40. Vanhanen, T. Democratization: A Comparative Analysis of 170 Countries. London: Routledge. 2003. 41. Welzel Ch., Inglehart R., Klingemann H.-D. Human development as a General theory of Social Change: A Multi-Level and Cross-Cultural Perspective. Discussion Paper FS III 01-201. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), 2001. Pp. 3-4.

Надійшла до редколегії 15.10.10

N.B. Genov, prof., doctor hab.

CONTROVERSIAL TRENDS IN EASTERN EUROPE NEW SOCIAL CONSTELLATIONS AND NEW CONCEPTUAL MAPS

The article proposes the analysis of the debates and the authors' conceptualization on society and societal change in the context of the Eastern European societal transformations. Rethinking of the concepts of social changes, transitions and societal transformation is grounded on reconstruction of the positivist analysis of social changes in terms of German sociological tradition as well as analysis of two types of modern society. Conceptual scheme of structural factors of societal transformation is grounded on inclusion into analytical perspective the influence of the global trends to societal transformation in Eastern European societies. The

Keywords: societal changes, societal transformation, Eastern European societies, global trends.

Стаття пропонує аналіз дебатів та авторську концептуалізацію суспільства та соціальної зміни у контексті трансформаційних процесів у Східній Європі посткомуністичної доби. Переосмислення концептів соціальної зміни, транзиту та соціальної трансформації ґрунтується на засадах реконструкції позитивістського способу аналізу соціальних змін в межах німецької соціологічної традиції, а також аналізу двох типів модерного суспільства. Концептуальна схема структурних факторів соціальної трансформації ґрунтується на включенні в аналітичну перспективу впливу сучасних глобальних трендів на процеси соціальної трансформації у країнах Східної Європи.

Ключові слова: соціальні зміни, соціальної трансформація, суспільства Східної Європи, глобальні тренди.

The most traditional and simultaneously most topical issue in the social sciences is the issue of the moving forces, processes and effects of societal change. All classics of sociology used to focus on it since sociology historically emerged as a science about society and societal change. The intellectual efforts of generations of sociologists brought about well differentiated conceptual frameworks of structures and actors, functions and contradictions at the level of society. Nevertheless, each new generation of sociologists discovers new fields for conceptual development and empirical research on society and societal change. This should not be surprising since both societies and the knowledge about societies change fast. The changing of the concept of societal change will remain a particularly topical issue in the long run.

The task of the present paper is to draw a preliminary balance of the debates on society and societal change in the context of the Eastern European societal transformations. However, the first step is the bridging of the recent Eastern European intellectual and practical

experience with some relevant episodes in the conceptual developments during the decades preceding 1989.

1. Rethinking the Positivist Dispute in German Sociology

Some two decades before the profound changes in Eastern Europe the locus of promising social change was Western Europe. Several days in May 1968 it seemed that the "late capitalism" was probably doomed to become history. This impression turned to be an illusion soon. Capitalist markets and democratic political institutions once more demonstrated their adaptability to rapidly changing historical circumstances. In the leftist intellectual circles the feeling remained that unique opportunities for change of the socio-economic system as a whole were missed. Other intellectuals saw their ideological preferences towards *individualist liberalism* confirmed by the gradual changes which followed the events of May 1968. What was strikingly left out of serious reflection was the relevance of the events for the further elaborations on the concept of societal change. The relevance of the conceptual issues